

Три дня спустя, в поместье семьи Юань.

Управляющий обходил уголья, но Ван Второго и его людей и след простыл. Он подозвал работника, отвечавшего за расселение новых беженцев:

— Где Ван Второй и остальные?

— Закончили работу в поле и отпросились ненадолго, — ответил тот. — Они ведь в Жунъяне совсем недавно, а в доме ни посуды, ни постелей толком нет. Я выдал им немного денег из жалованья, вот они и ушли за покупками.

Управляющий лишь кивнул, не заподозрив неладного.

Солнце скрылось за дымкой. Юань Ли спешно возвращался в управу уезда. Казалось, весть о его приезде разлетелась заранее: у ворот собралась толпа. Люди шептались, указывая на него пальцами:

— Смотрите, это сын нашего начальника уезда!

— Какой статный юноша, а уж как предан родителям! Истинное благословение для отца с матерью.

Юань Ли выслушивал похвалы с невозмутимым видом.

Навстречу выбежал управляющий Линь в сопровождении слуг. Заметив усталое лицо молодого господина, он едва не разрыдался.

— Молодой господин, вы наконец вернулись! — воскликнул он, падая на колени.

Юань Ли поспешно помог ему подняться:

— Я нашел траву, которая так нужна матушке. Как она? Скорее, веди меня к ней!

Линь просиял, утирая слезы радости:

— Это чудо, просто чудо! Теперь госпожа спасена...

Хозяин и слуга поспешили в дом. Как только тяжелые ворота закрылись, снаружи остались лишь восторженные крики толпы. Оказавшись внутри, Юань Ли отер пот с лица и с облегчением выдохнул — его немного смущал поднятый вокруг него шум.

Управляющий Линь тем временем мгновенно преобразился: слезы высохли, взгляд стал деловым.

— Молодой господин, господин Юань ждет вас в кабинете.

Юань Ли удивился:

— Вот как?

Линь понизил голос до шепота:

— Вчера из Лояна прибыло письмо. Прочитав его, господин заперся в кабинете и не выходил до самого утра. Он велел, чтобы вы явились к нему сразу, как только переступите порог. Видно,

дело крайне важное.

Юань Ли не стал медлить. Он быстро дошел до кабинета и тихо постучал.

— Ли-эр? Входи, — отозвался слабый, изнуренный голос отца.

Юань Ли толкнул дверь. Юань Сун сидел за столом; вид у него был болезненный, глаза ввалились, а под ними залегли глубокие тени.

— Говорят, вы глаз не сомкнули? — попытался пошутить Юань Ли. — Что же за событие мирового масштаба лишило вас сна?

Юань Сун тяжело вздохнул:

— Сначала присядь. Я велел подать тебе чай и сладости. Негоже вести такие разговоры на пустой желудок.

Слуги внесли подносы. Юань Ли не заставил себя долго ждать: подкрепившись и омыв лицо, он поудобнее устроился в кресле.

— Ну, теперь я весь во внимании.

— Ты провел на горе Саньтоу три дня. Не ранен? — снова вздохнул Юань Сун.

Юань Ли невольно рассмеялся:

— Каждое утро и вечер вы с матушкой посылали людей проверить меня. Неужто вы бы не узнали, если бы со мной что-то случилось? — Он посерьезнел. — О чем вы так долго не решаетесь сказать?

Помедлив, Юань Сун достал из-под вороха бумаг письмо и протянул сыну:

— Вчера в полдень из Лояна, из дома князя Чу, доставили это.

— Вы о тех самых Чу? Чей род три поколения стоит у власти и чьи предки вместе с первым императором основывали государство? — уточнил Юань Ли.

— Именно так.

Юань Ли вскрыл конверт.

— И что же они пишут?

Отец закрыл глаза и глухо произнес:

— Они просят твоей руки.

Письмо было написано супругой князя Чу, но скреплено его личной печатью, что означало согласие самого главы дома. Тон письма был молящим, почти отчаянным.

Отец продолжил:

— Люди князя Чу в отчаянии. Они разузнали дату твоего рождения и теперь хотят, чтобы ты стал супругом их старшего сына. Звучит нелепо, верно?

Он посмотрел на своего сына. Юань Ли еще не достиг совершеннолетия, его черты лица были тонкими и благородными: чистая кожа, ясные глаза, изящный разлет бровей. Даже выбившиеся из прически пряди лишь добавляли ему очарования. В сердце Юань Суна боролись гордость и горечь.

Юань Ли отложил письмо.

— Я не согласен.

Юань Сун горько усмехнулся:

— Я и сам не хотел соглашаться. Но условия, которые предложил дом князя Чу... они заставили меня колебаться.

Юань Ли нахмурился. Отец всегда прочил ему великое будущее и ценил превыше всего. Что же такого предложил князь? В самом письме об этом не говорилось.

— И какие же это условия?

Юань Сун, закрыв глаза, повторил слова посланника, которые выучил наизусть:

— Дом князя Чу заявляет, что хоть это и зовется «браком», между тобой и их молодым господином, Чу Минфэном, не будет никакой настоящей близости. Ты будешь лишь почетным гостем в их доме. Вне зависимости от того, поправится ли их сын после свадебного обряда или нет, они останутся перед тобой в неоплатном долгу.

Если ты согласишься, они немедленно задействуют все связи в Государственной академии и устроят тебя туда на обучение. Более того, они найдут прославленного ученого, который возьмет тебя в ученики. Тебе больше не придется биться за крохи внимания и чины — они обещают полную поддержку и защиту твоего будущего.

Даже о твоей репутации они позаботились. Этот брак будет преподнесен как акт милосердия и самопожертвования ради спасения умирающего. Такое благочестие принесет тебе лишь славу и почет.

От таких условий было трудно отказаться даже самым знатным семьям. В эпоху Северной Чжоу нравы были свободными, законы не запрещали союзы между мужчинами, и хоть это случалось нечасто, никто не посчитал бы это несмылаемым позором. Юань Сун понимал, что для любого карьериста это был бы дар богов. Но Юань Ли был юн, и отец боялся, что сын сочтет это предложение оскорблением.

— Я не стану принуждать тебя, — с трудом выдавил Юань Сун. — Если тебе это претит, мы откажем.

Юань Ли опустил взгляд, тень от длинных ресниц упала на его щеки. Он погрузился в раздумья. Грядут смутные времена. Идя обычным путем, он потратит годы, прежде чем получит хоть какую-то власть и сможет собирать войска. К тому времени все возможности будут упущены.

Юань Ли вскинул голову, его взгляд был тверд:

— Отец, дай ответ дому князя Чу. Я согласен.

В нем говорил прагматизм человека из будущего. Пусть ему не нравились мужчины, но ведь этот брак — лишь формальность, обряд «чунси» для больного. Это решало вопрос с академией, давало лучшего наставника и делало могущественный клан его должником. Чистая выгода без всяких потерь. Глупо отказываться. Юань Ли не верил в суеверия, но если этот обряд поможет кому-то выжить — что ж, тем лучше.

— Ты... — Юань Сун изумленно уставился на него, и его глаза увлажнились. — Ли-эр, тебе не нужно жертвовать собой ради нас с матерью...

— Отец, не берите в голову, — улыбнулся Юань Ли, и его глаза превратились в полумесяцы. — Долг мужчины — добиться успеха и построить карьеру. Стоит ли переживать из-за подобных мелочей?

В его голосе было столько уверенности и силы, что Юань Сун почувствовал, как тяжелый камень спал с его души.

— Мой сын прав, — выдохнул он.

Юань Ли рассмеялся и вернул письмо отцу.

— Назначена ли дата?

— Посланник всё еще здесь, ждет твоего слова, — горько улыбнулся Юань Сун. — Как только ты дашь согласие, он ускачет в ночь. Завтра за тобой пришлют экипаж из Лояна, а послезавтра состоится свадьба.

Юань Ли опешил:

— К чему такая спешка?!

Отец понизил голос:

— Боюсь, молодой господин Чу совсем плох.

Юань Ли всё понял.

— Что ж, будь по-твоему. Сегодняшний вечер я проведу с матушкой.

— Иди, — махнул рукой Юань Сун. — О беженцах в поместье не беспокойся. Я сам всё устрою, как ты наказывал.

— Раз так, я спокоен.

Юань Ли поклонился и вышел. Но едва он переступил порог, до него донесся голос отца:

— Ли-эр... прости меня.

В этих словах сквозили вина и печаль. Будь его собственный чин выше, разве пришлось бы ему отдавать сына на такую участь? Юань Ли замер на мгновение, затем небрежно махнул рукой и пошел прочь легкой, уверенной походкой. В прошлой жизни у него не было родителей, а в этой он обрел семью, которая дала ему любовь. Теперь он сам добудет себе славу — это меньшее, что он может сделать.

За городом горы подпирали облака.

На большой дороге от подножия и до самой обочины в беспорядке лежали тела. Кровь просачивалась сквозь траву, стекая в ложбины тонкими багряными ручьями.

Вскоре послышался топот копыт. Группа воинов осадила коней перед местом побоища. Предводитель спешил, его лицо искажилось от ярости. Осмотрев трупы, он прорычал:

— Кто, мать вашу, перехватил мой товар?!

— Господин, это же тот самый караван, что вез подношения в Лоян от того взяточника из Ханьчжуна? — помощник генерала в оцепенении подошел ближе. — О боги, кто это сделал? Где серебро? Где шелка? Где всё, что мы должны были забрать?!

— Почему я знаю! — прорычал Ян Чжунфа. — Как мне теперь оправдываться перед Чу Хэчао? Я рассчитывал пополнить казну нашего войска, а теперь здесь только трупы и пустота! Если он спросит с меня — что я ему предъявлю?!

Помощник утер холодный пот:

— Что нам делать, господин? Генерал отдал четкий приказ: перехватить груз и забрать себе.

Ян Чжунфа глубоко вздохнул, усмиряя гнев, и пошел осматривать местность. Тела лежали лицами вверх — их убивали поодиночке, когда они пытались скрыться в лесу. Углубившись в чащу, Ян Чжунфа наткнулся на ловушки. В одной яме, утыканной бамбуковыми кольями, лежало семь или восемь тел — они напоминали ежей.

Те, кто напал на караван, явно не обладали большой силой, поэтому действовали хитростью: заманивали в горы и истребляли по частям. Солдаты прочесали окрестности и нашли следы колес на опавшей листве. Пройдя по ним, они обнаружили разбитые повозки, сброшенные в реку.

Именно на них везли серебро.

Лицо Ян Чжунфа побледнело. Кто мог сработать так чисто? У берега реки все следы обрывались. Как теперь искать? Но если он не найдет виновных, Чу Хэчао с него живого шкуру спустит.

Он отобрал лучших пловцов и велел им нырять. Солдаты перевернули всё дно и, наконец, ниже по течению, в расщелине между камней, нашли окровавленный клочок одежды.

Ян Чжунфа развернул его, мрачней с каждой секундой.

— Ищите! — прорычал он. — Чу Хэчао возвращается послезавтра. Кто бы ни был этот воришка, ему придется ответить перед генералом!

— Слушаемся! — хором отозвались воины.